

Темные, почти черные волны моря расступились, и из них гуськом, один за другим, на мягкий песок выступили чьи-то неясные тени. Оружия у них не было видно, но от самих фигур веяло даже не просто опасностью, а каким-то первобытным злом. Окружив сидящих на берегу ничего не подозревающих подростков, незнакомцы явно собирались напасть, но в этот момент на пляже появилась девушка в длинном белом платье. Беспечно напевая, она шла вдоль берега, и прибой ласкал ее босые ступни. Завидев красавицу, темные фигуры как-то съежились и поспешили исчезнуть в тени. Повинуясь внезапному импульсу, Март захотел подойти к прекрасной незнакомке и хорошенько рассмотреть ее лицо, но...

— Доброе утро, Порт-Артур! — раздался из динамика мелодичный женский голос. — Вас приветствует радио Желтороссии.

Сон. Опять этот проклятый сон, мучивший Колычева несколько последних ночей. Детали всегда были разными, но суть одна. Опасность, исходящая из моря. Избавляющая от нее красивая молодая женщина... И внезапное пробуждение...

— Витька, вставай! — мрачно позвал Март, с отвращением глядя на сладко спавшего друга.

— В такую рань? — возмутился друг, с трудом приоткрыв один глаз, отчего он стал еще более раскосым.

— Поднимайся, у нас много дел!
— Ну капельку, ну еще немножечко...
— Сейчас придет Зимин и устроит нам очередную пробежку!

— Можно подумать, он так ее не устроит! — пробурчал окончательно сдавшийся Ким и с видом великомуученика поднялся с кровати.

Просторные комнаты, в которых они с недавних пор жили, занимали весь южный фасад второго этажа. Коттедж Зимина стоял на склоне одной из сопок, окружающих бухту Виктории, на территории своеобразного дачного поселка, расположенного достаточно близко от Дальнего и Талиенвана, но вместе с тем не настолько, чтобы неизбежная портовая суета утомляла его обитателей, большинство из которых принадлежало к сливкам местного общества.

Дома и особняки вольготно расположились вдоль берега залива, обеспечивая своим хозяевам должный комфорт и вместе с тем уединение, что в довольно населенном Квантуне было редкостью. Широкие песчаные белоснежные пляжи, прозрачно-бирюзовые, теплые волны моря в обрамлении изломанных черных скал и округлых густо-зеленых прибрежных холмов.

Недвижимость эту знаменитый рейдер приобрел несколько лет назад, но появлялся здесь нечасто, используя свою загородную «дачу» для отдыха в редкие дни между вылетами и рейсами. Настоящим домом капитана, конечно же, оставался корабль.

Огромные арочные, во всю стену, французские окна смотрели на море. За прозрачной стеной в частом переплете рам находился широкий балкон, служивший одновременно крышей просторной террасы, укрытой от жаркого солнца густыми зарослями амурского винограда и китайского лимонника.

Поднимаешь голову от подушки и сразу видишь полную утренней суеты бухту, охваченную полукольцом гор, прикрытую от буйства стихии длинным молотом. Рыбацкие лодки, выходящие на промысел или

уже везущие свежий улов, прогулочные катера и яхты, первые отдыхающие на берегу. Дальше, до самого горизонта, расстиралось синим простором Японское море. В белых барашках мерно накатывающих длинных волн, светлой ряби солнечных отражений вперемешку с тенями редких облаков.

Война почти не ощущалась в окрестностях этого совсем молодого, выстроенного строго по плану города, ставшего не так давно официальной столицей Желтороссии (огромного генерал-губернаторства, включающего в себя протектораты: Маньчжурию, Монголию, королевство Корея и Ляодунский полуостров, ставший прямым владением империи). На его широких асфальтированных проспектах и огромной, круглой центральной площади перемещались в привычной суете и делах многочисленные жители. Разве что иногда встречались вооруженные патрули, да по ночам запрещали зажигать огни в домах и увеселительных заведениях, чему немало огорчались brave летчики Третьего флота, а также многочисленные штабные и всякого рода поставщики и дельцы, потянувшиеся в действующую армию со всех сторон.

А вот Зимина они в последнее время видели нечасто. Отставной капитан днями и ночами мотался между штабом флота, ангарами воздушных верфей, авиамастерскими и различными тыловыми структурами, пытаясь добиться скорейшей поставки двигателей и прочих обещанных и прописанных в документе, визируемом командующим флотом, запчастей, систем и устройств, необходимых для модернизации и ремонта «Бурана».

Риск тут был. Ведь шустрые чиновники могли за просто растолкать поступающие прямиком с заводов агрегаты по другим кораблям, вынуждая нетерпеливого Зимина ждать. Мол, были да кончились. И доказывать их неправоту было все равно бесполезно.

Куда проще — словно тигр, укрывшийся в густых зарослях, зорко следить за всем происходящим и в нужный

момент броситься вперед, цепко ухватив могучей когтистой лапой трепещущую добычу. А потом, торжествуя, унести ее, крепко держа в сомкнутой клыкастой пасти.

Увы, у прямого и едкого на язык, да к тому же еще и удачливого рейдера оказалось слишком много недоброжелателей, чтобы быстро решать эти вопросы. Не помогало даже заступничество друзей с большими погонами, и грозные резолюции «выдать из резерва» или «изыскать возможность» почти неизменно тонули в бюрократическом болоте. Владимир Васильевич ото всех этих мытарств мрачнел и злился, но пока что находил силы сдержаться и никого не убить.

И все же успехи были ощутимы. Главной победой должны стать прибывающие в ближайший понедельник двигатели. И это уже точно. Остальной ремонт к исходу седьмой недели в целом завершился.

Потому в этот день он вышел к завтраку практически в благодушном настроении и приветливо поздоровался с юношами:

— Доброе утро, молодые люди.

— Доброе утро.

— Ну что, отдохнули? Готовы к новым подвигам и свершениям?

— Так точно, господин капитан второго ранга. Что до новых подвигов, то тут смотря чего и как, — еле заметно улыбнулся Март. — Если к боевым или к полетам, даже космическим, то всегда готовы. А насчет экзаменов я не так уверен. Надо еще хорошенько потрудиться и подготовиться.

— Все дела потом. Сейчас будем просто пить чай.

Слуга принес самовар и заварник с иглами отменно-го китайского белого Байхао Иньчжэнь — серебряных игл, который, как уже успели убедиться друзья, капитан предпочитал всем остальным напиткам. К столу более ничего не подавали. Это же не завтрак. Задача была иной. Насладиться за полторы минуты пятью-семью маленькими чашечками изысканного напитка из еще не раскрывшихся чайных почек.

Зимин, молча и сосредоточенно, с поистине сибирской основательностью занялся священнодействием. Сначала он просто залил крутым кипятком туго скатанные иголки. И тут же разлил напиток по чашкам, предлагая Вите и Марту опробовать первую волну. Стол окутали ароматы жасмина, горных цветов и меда.

Мартов и в прежней жизни был знаком с этой церемонией, но все равно наблюдал за происходящим с интересом. Пить следовало вкусно, но быстро. Открылся кран самовара и снова на светлые, молодые почки потекла горячая вода. И снова пошел по чашкам.

Пять-семь секунд, и Владимир Васильевич с видом умудренного столетиями даосского отшельника-алхимика, обретшего эликсир бессмертия, еще раз наполнил едва отмеченной бледным, можно сказать, белым золотом эссенцией маленькие кружки. В заварнике остались лишь распавшиеся сухие тонкие листочки. Не теряя драгоценного времени, Зимин точными, размеренными движениями продолжил волшебный и такой быстротечный ритуал. На все про все — полторы-две минуты. Ровно столько длится прыжок с парашютом с восьмисот метров.

Когда чай прошел по последнему, седьмому, кругу, исчерпав свой потенциал, капитан, донельзя довольный тем, что на этот раз церемония достигла своего благополучного и счастливого финала, как ни в чем не бывало продолжил беседу.

Негромко тренькнул звонок. Слуга вскоре вернулся, держа на небольшом подносе запечатанный бланк телеграммы. Капитан развернул бумагу, быстро пробежал текст глазами. Посмотрел на друзей и неожиданно заговорщицки подмигнул, улыбнувшись.

— Интересные новости. Сам господин генерал оказал высокую честь. Пишет, скоро будет к нам с визитом. Подробности при встрече. Темнит что-то...

— А кто этот важный господин?

— Мой старший брат. Зимин Василий Васильевич, генерал, кавалер и наказной атаман Забайкальского казачьего войска. Скоро сами с ним познакомитесь.

— Кхм... — подавился булочкой Ким, силой своего яркого воображения представивший общение с большим начальством.

— Будь здоров, Виктор, — машинально пожелал ему хозяин дома, откладывая в сторону корреспонденцию. — Надеюсь, вы не забудете про пробежку? Сегодня я занят и, к сожалению, не смогу составить вам компанию.

— Благодарствую, — отозвался молодой человек, но тот его уже не слушал.

Резко, одним движением поднявшись, он едва заметно кивнул друзьям и направился к себе в кабинет. Вскочившие вслед за ним молодые люди отправились переодеваться. Пробежка была их утренним ритуалом. Зимин считал, что бег по утрам помогает упорядочить мысли и как следует разогнать кровь по жилам, а потому безжалостно выгонял своих подопечных на улицу, невзирая при этом на погоду и самочувствие.

Однако в последнее время капитан был так сильно занят, что на посыпанную песком дорожку они в очередной раз вышли только вдвоем.

— Может, ограничимся одним кругом? — на всякий случай спросил Ким.

— Чтобы наверстать вечером? — скептически хмыкнул Март, завязывая шнурок на спортивных туфлях, весьма мало напоминавших кроссовки из его прошлой жизни. — Уволь, у меня есть планы на сегодня.

— Куда ты опять собрался? — подозрительно спросил Витька.

— Наша летно-одаренная группа устраивает вечеринку. Кстати, ты пойдешь?

— Нет, — мрачно буркнул в ответ приятель. — Дел много. Накопилось за неделю. Хочу успеть сегодня разгрести.

— Может, хватит уже дуться?

— Ничего я не дуюсь!

— Ладно, как знаешь. Но, вообще, зря. Будет весело. И к слову, после недавних событий ты довольно популярная личность. Девушки будут разочарованы.

Чтобы не отвечать на столь заманчивое предложение, насупленный Ким побежал, стараясь при этом не сбить дыхание, а следом за ним припустил Март, не оставивший попыток уговорить товарища.

Надо сказать, что тот не просто капризничал. Дело в том, что в Техническом училище, где осваивал столь любимую ему профессию оружейника Виктор, учились дети простых матросов и унтеров флота, а также местные ребята, в основном китайцы или такие же, как и Ким, метисы от смешанных браков. Появление вдобавок к ним еще и полукорейца было принято к сведению и в целом осталось не замеченным.

Зато вот в Летной школе, куда поступил Март, ситуация оказалась иной. Среди абитуриентов ее хватало отпрысков офицеров флота, по каким-то причинам не имеющих возможности поступить в Морской корпус или Юнкерское училище, учились там и несколько представителей маньчжурских аристократических семей, принадлежащих к сильнейшему из местных кланов-корпораций — императорскому Айсинь Гьоро. Последние сразу по нескольким причинам и вовсе смотрели на остальных свысока. А корейцев, как выяснилось, просто за людей не считали.

И вот в один прекрасный день, когда Витька по какой-то своей надобности забежал в поисках приятеля в находящееся рядом со школой кафе, он наткнулся на группу курсантов, общавшихся с девицами нетяжелого поведения, постоянно трущимися возле потенциальных клиентов.

— Вы только посмотрите на эту обезьяну! — презрительно прокомментировал его появление Пужэнь — молодой парень с наглым выражением на лице. — Судя по всему, он не знает, что здесь не подают бананы!

Окружавшие его девицы и прихлебатели с готовностью захихикали. Скажи Пужэнь все это по-маньчжурски, Ким его бы не понял, но слова были произнесены на довольно четком русском, пусть и с несколько смешным акцентом...

— А что здесь подают, татарскую* конину? — мгновенно отреагировал Витька.

— Что ты сказал? — изумился непривыкший к подобным ответам княжич.

— Или, может быть, монгольский кумыс?

— Да я тебя, — вскинулся далекий потомок завоевателей и кинулся в драку.

Однако, как ни малы были способности Кима, дар помог ему предвидеть атаки своего противника, и, когда в кафе появился Март, его приятель ухитрился отмахиваться от двух дружков Пужэня, в то время как сам маньчжурский аристократ сидел на полу, зажимая нос, из которого ручьями лилась кровавая юшка.

— Какого черта тут происходит? — оторопело заинтересовался он, но никто не обратил на его слова ни малейшего внимания.

В общем, ему пришлось проявить традиционный русский пацифизм и решительно остановить драку. В смысле встать между дерущимися и бить в лоб всякому, кто не сумел вовремя оценить масштаб его миротворческого порыва. Получалось это у него легко, будто играючи. Так что даже впавшие в боевой раж противники это быстро уяснили, после чего сбавили обороты и перешли к переговорам.

— Как ты смеешь заступаться за эту корейскую дубину? — завопил оскорбленный в лучших чувствах курсант.

— Извольте ли видеть, господин Айсиньгьоро, — хладнокровно отвечал ему Март, — эта «корейская дубина» — мой друг. К тому же он, как и мы с вами, одаренный. Поэтому рекомендовал бы вам и вашим друзьям попридержать языки и руки!

Конфликты с мордобоем случались в их учебном заведении и прежде. Беда была лишь в том, что произошло все в публичном месте, вследствие чего история вышла наружу. Но когда началось расследование, все

* *Татары* — презрительная кличка маньчжур.

больше привыкавший к своей новой фамилии Колычев повернул дело так, будто оно касалось только Пужэня и его самого, а Ким и друзья маньчжура были только свидетелями.

— Известно ли вам, что курсант Айсиньгоро вправе потребовать у вас удовлетворения? — поинтересовался проводивший дознание старший преподаватель летной школы капитан-лейтенант в отставке Сергей Феоктилатович Мигунов.

— Так точно, ваше благородие!

— И что вы намерены предпринять в случае, если вызов воспоследует? — высоко поднял бровь отставник. — Вы, верно, не осведомлены, что маньчжурские аристократы до сих пор основательно изучают фехтование. Местное, разумеется, но все же. Так что на пистолеты можете не рассчитывать.

— Не извольте беспокоиться, — остался бесстрастным Март. — Я справлюсь.

Однако догадывавшийся о способностях нового курсанта Пужэнь не решился воспользоваться своим правом, и конфликт окончился ничем. Это обстоятельство весьма негативно сказалось на репутации княжича. Школьные остроловы не придумали ничего лучше, как пустить шуточку «Пужэнь испужен». Зато рейтинг Колычева и Кима среди тех, кто недолюбливал безмерно заносчивого маньчжура, поднялся на недостижимую высоту.

Но вот с Витькой они впервые в жизни чуть не поспорились. Сначала тот возмутился, что друг его выгораживает. Кроме того, многие ученики летной школы, бывшие, по понятиям выпускника приюта, мажорами, относились к Киму с плохо скрываемым пренебрежением, а Март продолжал с ними общаться. В общем, приятель надулся, замкнулся, почти перестав общаться, и еще больше погрузился в мир стреляющих железяк и учебу.

Целыми днями он пропадал в мастерской, а вечерами корпел над учебниками и наставлениями. Часто

он засиживался глубоко за полночь, оставляя для сна два-три часа и компенсируя потери энергии с помощью недавно обретенных способностей. Дома Виктор только завтракал и ужинал. Быстро перехватив еду, убежал, буркнув невнятное «до свиданья».

Постепенно в комнате прибавлялось разного железа, захватанных машинным маслом журналов и книг. Вскоре к ним стали добавляться инструменты. Это наполнило недавно такие светлые и полные морского, йодистого аромата апартаменты запахами механической мастерской, что никак не могло понравиться соседу. Впрочем, до поры до времени он терпел.

Вскоре ко всему этому бедламу прибавилась неизвестно откуда добытая, пошарпанная семиструнная гитара. Ким, оказавшийся счастливым обладателем абсолютного слуха, принялся самозабвенно и, что уж там, следует признать честно — довольно мелодично, но очень неумело бренчать. Делал он это уже и в последние часы, теоретически оставленные для сна. Это добавило Колычеву «позитива».

Март поначалу и сам часто до глубокой ночи занимался при свете лампы, но потом втянулся, освоил новые, очень удачно и своевременно подсказанные Зиминим методы отработки текстов. И, как по волшебству, времени на сон, отдых и развлечения стало заметно больше. Он и сам не заметил, как стал стараться появляться дома как можно позднее, в идеале, когда неугомонный побратим таки отрубится. Витька то и дело бросал на друга извиняющиеся взгляды, но упорно продолжал свое.

Впрочем, как бы ни были натянуты их отношения, на занятия они всегда добирались вместе. Все дело было в некоторой отсталости общественного транспорта. Пригородные поезда, которые за отсутствием развитой электрической тяги никто и не думал называть электричками, выходили слишком рано, чтобы доставлять рабочих на предприятия или в порт. Трамваи передвигались только по центру Порт-Артура или Дальнего.

А немногочисленные автобусы не заходили в их дачный поселок, где большинство богатых обитателей имели собственные автомобили. Поначалу их подвозил Зимин на своем «паккарде», но это было не слишком удобно.

Выходом стала покупка мотоцикла. Водить их по законам империи разрешалось с шестнадцати лет, и Март без труда смог сдать не слишком сложный для жителя двадцать первого века экзамен. Стоил двухколесный конь недорого, и вскоре юный Колычев стал счастливым обладателем байка. Выбирал из нескольких моделей. Недорогой японец «Асахи АА» Марта не впечатлил. В его конструкции ничто не говорило о будущем технологическом величии Страны восходящего солнца, а пять «лошадей» в моторе откровенно навевали тоску. К тому же у этого образца имелось только одно седло. И куда прикажете сажать Кима? По этой же причине были отвергнуты и образцы российского мотопрома. Версии с коляской были отвергнуты за чрезмерные габариты и общую неповоротливость.

В итоге он остановил выбор на серебристо-черном британце — «Нортоне 16Эйч», как раз за второе подпружиненное сиденье на заднем крыле и еще добавочный небольшой решетчатый багажник. Не сказать, что этот аппарат был пределом его мечтаний, тем не менее на нем можно было довольно быстро и сравнительно комфортно передвигаться.

— Так я за тобой заеду? — улыбаясь, спросил Март, высаживая приятеля возле училища.

— Не надо, — вздохнул Витька, понимая, что так просто его друг не отстанет, — я сам приду.

— Точно?

— Заочно! — огрызнулся Ким, вызвав приступ хохота у приятеля, после чего тот как следует газанул и эффектно растворился в клубах сизого дыма.

Автомобильная стоянка перед летной школой никогда не бывала заполнена до конца. Отпрысков богатых семейств привозили лимузины их родителей и тут же разворачивались назад. Прочие приезжали на